

АЛЕКС СКАИ

РАЗВОД С ДРАКОНОМ

ДОМ ПЕЧАТЕЙ
ДЛЯ ЕГО ЗАБЫТЫХ ДОЧЕРЕЙ

Алекс Скай

**Развод с драконом Дом печатей
для его забытых дочерей**

«Автор»

2026

Скай А.

Развод с драконом Дом печатей для его забытых дочерей /
А. Скай — «Автор», 2026

В день, когда дракон Дамиан Верр публично потребовал развода, Виоланта потеряла всё: титул, место в великом роду и право называться его женой. Совет уже подготовил ему новую невесту. Свекровь уже решила её судьбу. А сам Дамиан произнёс страшные слова: их брак не укрепил род. Но вместо унижительной компенсации Виоланта потребовала только одно — заброшенный Дом печатей, старое наследие её семьи, которое все считали мёртвым. И в тот миг, когда она ушла, главный кристалл Верров погас. Теперь к воротам её дома приходят забытые дочери драконьих родов — девочки без имён, без защиты и без будущего. Их вычеркнули из книг, спрятали от Совета и назвали ошибками печати. Виоланта не собиралась спасти род бывшего мужа. Но именно ей предстоит открыть правду, которую великие драконы дома скрывали годами. А Дамиану придётся понять: он потерял не слабую жену, а женщину, способную вернуть свет его роду. Только теперь она исцелит его не ради него. А ради тех, кого он не сумел защитить

© Скай А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Развод перед крылатым Советом	5
Глава 2. Дом, который считали мёртвым	16
Глава 3. Первая забытая дочь	31
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Развод с драконом Дом печатей для его забытых дочерей

Глава 1. Развод перед крылатым Советом

Виоланта поняла, что муж собирается отречься от неё, когда увидела у его ног белые лепестки.

Их не должно было быть в зале Крылатого Совета.

Белый ирис Верров распускался только на брачных церемониях, в дни рождения наследников и на похоронах главы рода. Цветок был редким, капризным, выращенным в закрытых садах драконьего дворца, где обычным людям запрещали даже касаться земли. Каждый лепесток на чёрном мраморе означал одно из трёх: союз, кровь или конец.

Сегодня наследник не родился.

Похорон не объявляли.

Значит, Совет уже выбрал, какой конец ей показать.

Виоланта остановилась у распахнутых дверей и не сразу вошла. За её спиной коридор тянулся длинной ледяной лентой, впереди пылал зал, полный золота, крыльев и чужого ожидания. Высокие окна были открыты в небо; сквозь них влетал ветер, пахнувший грозой и раскалённым камнем. Над мраморным кругом клятв висели родовые кристаллы древних домов — синие, алые, серебряные, янтарные. Все горели ровно.

Кроме одного.

Кристалл Верров, самый крупный, тёмно-золотой, словно солнце, пойманное в сердце горы, мерцал неровно. Внутри него ходила трещина. Тонкая, почти незаметная, но Виоланта увидела её сразу. Может, потому что за три года брака научилась замечать то, что в доме Верров предпочитали прятать под бархатом, гербами и безупречной вежливостью.

Слуга у дверей не произнёс её имя.

Тоже знак.

Раньше её объявляли громко: «Леди Виоланта Верр, супруга главы старшей ветви». Сегодня тишина стала первым ударом. Не самым сильным. Просто первым.

Она вошла сама.

Шёпот прокатился по залу, как сухие листья по каменным ступеням.

— Пришла.

— Без сопровождения.

— А он не встретил.

— Значит, всё уже решено.

Виоланта не повернула головы. Пусть говорят. Люди, которые ждут чужого падения, всегда говорят так, будто их собственные ноги никогда не касались края пропасти.

По обе стороны зала стояли представители крылатых домов: драконьи лорды с тяжёлыми перстнями, леди в платьях, расшитых родовыми знаками, советники, хранители архивов, распорядители клятв. У многих за плечами едва заметно светились сложенные крылья — не настоящая плоть, а проявление силы, знак крови. У сильных домов крылья были яркими. У слабых — тонкими, почти прозрачными.

У Виоланты крыльев не было.

И именно это леди Ровена Верр припоминала ей чаще всего.

«Ты вошла в драконий дом без крыльев, дитя. Постарайся хотя бы держаться так, будто понимаешь, какая честь тебе оказана».

Виоланта понимала.

Слишком хорошо понимала цену этой чести.

Дамиан стоял у возвышения Совета.

В чёрном парадном камзоле, расшитом золотыми линиями, высокий, тёмноволосый, с лицом человека, которому с детства объясняли: если он молчит, значит, мир обязан ждать. На его груди сиял герб Верров — дракон, сомкнувший крылья вокруг родового пламени. Правая рука лежала на навершии церемониального меча. Левая была сжата так крепко, что побелели костяшки пальцев.

Он не смотрел на жену.

Вот это оказалось большее шёпота.

Большее лепестков у его ног.

Большее места рядом с ним, которое уже заняла другая.

Селина Мор стояла на полшага позади леди Ровены. Белое платье с золотой вышивкой, опущенные ресницы, тонкая шея, украшенная подвеской в форме распахнутого крыла. Не невеста официально. Пока нет. Но в зале не бывает случайных женщин в белом, если действующая жена пришла на Совет в тёмно-синем.

Селина подняла глаза лишь на мгновение.

В её взгляде не было торжества. Это удивило. Там было напряжение, почти страх, и быстрый, виноватый блеск — будто девушка сама понимала, что её поставили в чужую историю не в тот момент и не с той стороны.

Леди Ровена, напротив, выглядела совершенно спокойной.

Мать Дамиана сидела слева от Совета в высоком кресле, хотя формально не имела права занимать место судьи. Серебряные волосы уложены гладко, лицо безупречно, пальцы на подлокотнике неподвижны. На каждом пальце — перстень. На каждом перстне — знак рода, который она подчинила, удержала, выторговала или заставила молчать. Ровена Верр не повышала голос. Ей не нужно было. Люди привыкли слышать приказ даже в её паузах.

— Леди Виоланта Верр, — произнёс старший советник, лорд Астор Нейм, ударяя жезлом о камень. — Подойдите к кругу клятв.

Она пошла.

Платье шуршало по мрамору слишком тихо. Сердце, наоборот, билось громко — так громко, что на миг ей показалось, будто весь зал слышит его. Но лицо оставалось спокойным. Этому она тоже научилась у Верров: когда тебя ранят, не отдавай им ещё и выражение боли.

Круг клятв был выложен чёрным камнем с золотыми прожилками. В день свадьбы он сиял под её ногами так ярко, что старые лорды переглядывались. Тогда Дамиан держал её руку обеими ладонями и улыбался — не на зал, не на Совет, а ей одной. Его голос дрогнул, когда он произнёс:

«Ты станешь моим домом, Виоланта. Не украшением рода. Не обязанностью. Домом».

Она поверила.

Три года спустя он стоял в трёх шагах и не поднимал на неё глаз.

Виоланта вошла в круг.

Золотые прожилки на мгновение вспыхнули, узнав её. Потом свет дрогнул и потускнел, будто сам камень не понимал, какую правду ему сегодня велели засвидетельствовать.

— Муж мой, — сказала она.

Дамиан вздрогнул едва заметно.

Ровена посмотрела на него.

Только посмотрела.

И этого хватило, чтобы он снова стал неподвижным.

— Леди Виоланта, — ответил он.

Не «жена».

Не «Виа», как называл когда-то в саду после дождя, когда считал, что никто не слышит.

Леди Виоланта.

Значит, приговор уже произнесён внутри него. Совет нужен лишь для того, чтобы сделать боль законной.

— Совет собран по просьбе Дома Верр, — сказал лорд Астор. — Поводом стало ходатайство главы старшей ветви о расторжении брачного союза.

Шёпот снова ожил.

Виоланта не моргнула.

Пусть скажет сам.

Она посмотрела на Дамиана и ждала.

Он молчал слишком долго. Достаточно долго, чтобы несколько лордов начали переглядываться. Достаточно долго, чтобы Селина опустила голову ещё ниже. Достаточно долго, чтобы трещина в кристалле Верров вспыхнула тонкой золотой искрой и погасла.

— Я, Дамиан Верр, глава старшей ветви и хранитель пламени рода, прошу Совет расторгнуть мой брак с Виолантой Рейн, ныне леди Верр, — произнёс он наконец.

Слова легли между ними ровно.

Не сорвались.

Не дрогнули.

Наверное, он репетировал.

Эта мысль оказалась унизительно мелкой и оттого особенно острой. Он, возможно, стоял перед зеркалом, подбирал голос, выражение лица, паузы. Учился разводиться с ней так, чтобы выглядеть не жестоким, а вынужденным. Не предателем, а главой рода.

— Причина? — спросила Виоланта.

Лорд Астор нахмурился.

— Леди Верр, порядок заседания предполагает, что сначала...

— Я спросила мужа, не порядок заседания.

Кто-то тихо втянул воздух.

Дамиан наконец посмотрел на неё.

Чёрные глаза с янтарным ободком. Глаза дракона. Когда-то они умели быть тёплыми. Когда-то в них было столько нежности, что Виоланта боялась дышать, чтобы не спугнуть счастье. Теперь в них стояла усталость. И что-то ещё. Вина, которую он не хотел называть виной.

— Наш союз не укрепил род, — сказал он.

Ровена слегка кивнула, будто ученик наконец повторил нужную фразу без ошибки.

— Не укрепил, — повторила Виоланта. — Как удобны слова, в которых нет ни одного живого человека.

— Это не личное обвинение.

Она едва улыбнулась.

— Развод перед полным Советом обычно редко бывает комплиментом.

В зале кто-то кашлянул, скрывая смехок. Ровена повернула голову — и смех умер, не родившись.

Дамиан сжал челюсть.

— За три года брака у Дома Верр не появилось наследника. Родовые печати стали отвечать слабее. В младших ветвях участились случаи нестабильных знаков. Главный кристалл...

Он запнулся.

Виоланта подняла взгляд к кристаллу Верров.

Трещина внутри него стала ярче.

— Главный кристалл что? — спросила она.

— Теряет устойчивость, — закончил за него лорд Астор.

— И, разумеется, виновата жена без крыльев.

— Никто не сказал «виновата», — мягко вмешалась Ровена.

Виоланта повернулась к ней.

— Вы просто расстелили это слово по полу, чтобы все могли пройти по нему и не запачкать обувь.

В глазах Ровены на миг мелькнула сталь.

— Осторожнее, леди Виоланта. Совет не место для горечи.

— Тогда странно, что меня позвали именно сюда.

Теперь шёпот поднялся громче. Виоланта слышала отдельные слова: «дерзит», «слишком поздно», «гордость», «Рейн всё-таки». Её девичье имя произносили так, будто оно было бедностью, которую она посмела пронести в драконий дом.

Рейн.

Дом без крыльев, но с древними печатями. Дом, который когда-то подтверждал права детей драконьей крови, если роды спорили, отрекались, подменяли записи или прятали неудобную правду. Давным-давно Дом Рейн называли Домом печатей. Потом старые войны, новые законы, браки сильных родов и удобная забывчивость Совета сделали своё дело. Печати молчали. Владение заросло. Имя обеднело.

Но не исчезло.

Виоланта вдруг ясно вспомнила бабушку. Тонкие пальцы, запах сухой бумаги и белых цветов у окна, низкий голос:

«Запомни, Виа: родовая печать — это не замок на двери. Это память о том, кто имеет право войти».

Тогда она не поняла.

Сегодня слова вернулись и встали рядом с ней в круге.

— Дамиан, — сказала Виоланта тише.

Он посмотрел почти с болью.

— Ответь мне не как глава Верров. Как мужчина, который сам просил моей руки у старого вяза в саду моего дома.

Его лицо изменилось. Совсем немного. Но Виоланта увидела, как дрогнула прежняя память. Он тоже вспомнил тот вечер: дождь, мокрые листья, его плащ на её плечах, обещание, сказанное без свидетелей.

Она не пощадила его.

— Ты веришь, что я разрушила твой род?

Ровена подалась вперёд.

— Дамиан.

Одно слово.

И снова цепь.

Он закрыл глаза на мгновение. Когда открыл, главы рода в нём было больше, чем человека.

— Я верю, что наш брак больше не может служить Дому Верр.

Виоланта кивнула.

Очень спокойно.

Так спокойно, что это спокойствие испугало даже её.

— Значит, служить.

Он резко вдохнул.

— Виа...

— Нет. Не называй меня так после слова «служить».

Свет круга под ногами стал холоднее. Виоланта почувствовала, как брачный знак на её запястье отозвался тупой тяжестью. Тонкий золотой узор, похожий на крыло, обвивал кожу с дня свадьбы. Дамиан сам наносил его перед алтарём. Не краской, не металлом — клятвой. Тогда знак был тёплым. Теперь он казался чужим браслетом, застёгнутым слишком туго.

Лорд Астор поднял жезл.

— Совет заслушал сторону Дома Верр. В связи с отсутствием наследника, ослаблением родовых печатей и согласием главы старшей ветви...

— Моего согласия никто не спросил, — сказала Виоланта.

— Согласно брачному уставу крылатых домов, при отсутствии наследника в течение трёх лет глава рода имеет право ходатайствовать о расторжении союза, если Совет признаёт брак неблагоприятным для родовой силы.

— Благоприятным, — повторила она. — Неблагоприятным. Как будто речь о погоде над виноградниками.

Ровена улыбнулась.

— Не о погоде. О будущем рода.

— О будущем рода вы вспомнили только сейчас? Когда решили заменить меня другой женщиной?

Селина побледнела.

Дамиан шагнул было вперёд.

— Виоланта, не втягивай её.

— Я? — Она медленно повернулась к нему. — Это я поставила её рядом с твоей матерью в белом платье? Это я заставила зал смотреть на неё как на ответ, пока мне ещё не вынесли приговор? Это я принесла брачные ирисы к твоим ногам?

Дамиан опустил взгляд.

Лепестки лежали на чёрном мраморе, невинные и безжалостные.

— Леди Селина Мор, — сказала Виоланта, не повышая голоса. — Вы пришли сюда по своей воле?

Девушка подняла глаза. Страх в них стал заметнее.

Ровена произнесла:

— Леди Селина не обязана отвечать женщине, чей союз с Домом Верр уже признан несостоятельным.

— Уже признан? — Виоланта посмотрела на Совет. — Значит, решение принято до заседания?

Лорд Астор постучал жезлом.

— Леди Виоланта, следите за словами.

— Я три года следила. За словами. За взглядами. За тем, как ваши писари переставали писать, когда я входила в архив. За тем, как младшие слуги прятали детей из боковых ветвей перед визитом леди Ровены. За тем, как родовые печати в дальнем крыле Верров отвечали не слабее, а тише — будто их заставляли молчать.

В зале стало холодно.

Дамиан вскинул голову.

— О каких детях ты говоришь?

Виоланта посмотрела на него внимательно. И впервые за этот день почувствовала не только боль, но и странное, горькое удовлетворение.

Он действительно не знал.

Не всего.

Не достаточно.

Но незнание главы рода — тоже вина, если ради спокойствия он позволил другим смотреть за него.

— Вот видишь, — сказала она. — Ты разводишься с женщиной, потому что род слабеет, но не знаешь даже, кто живёт в твоём дальнем крыле.

Ровена поднялась.

Движение было плавным, почти красивым. Зал мгновенно замолчал.

— Довольно. Этот разговор уводит Совет от сути. Дом Верр признаёт брак с Виолантой Рейн бесплодным для рода и опасным для устойчивости печатей. Мы готовы предложить ей достойную компенсацию: южный дом у озера, годовое содержание, трёх слуг и право сохранить титул почётной вдовы при живом муже.

По залу пронеслось одобрительное шевеление.

Почётной вдовы.

Виоланта едва не рассмеялась. Не от веселья. От того, насколько изящно Ровена умела хоронить живых.

— Как щедро, — сказала она. — Вы оставляете мне крышу, деньги и звание женщины, которую удобно не приглашать.

— Ты вошла в наш дом почти без приданого.

— Я вошла с именем, которое ваш род когда-то просил о помощи.

Ровена сузила глаза.

— Осторожнее.

— Вы уже говорили.

— Тогда услышь наконец.

— Нет, леди Ровена. Сегодня слушать будете вы.

Круг клятв вспыхнул.

Не ярко, не громко. Но золотая линия поднялась вокруг Виоланты тонким кольцом. Советники застыли. Дамиан шагнул к ней, и впервые в его лице появилось настоящее беспокойство.

— Виоланта...

Она подняла руку.

Брачный знак на запястье горел.

— Не подходи.

Он остановился.

Не потому, что не мог пройти. Потому что впервые за всё заседание услышал её просьбу как границу.

Виоланта посмотрела на Совет.

— Я принимаю развод.

Селина закрыла глаза.

Дамиан побледнел.

Ровена улыбнулась почти незаметно.

— Но не принимаю вашу ложь, — продолжила Виоланта. — Не принимаю титул почётной вдовы. Не принимаю дом у озера, содержание и слуг, которые будут докладывать Веррам, кто входит в мои двери. Не принимаю милость, поданную так, будто я должна благодарить за то, что меня публично вычеркнули.

Лорд Астор нахмурился.

— От какой компенсации вы не отказываетесь?

Виоланта опустила взгляд на брачный знак.

Он был красивым. До сих пор. Вот что оказалось особенно жестоко. Некоторые цепи делают настолько искусно, что женщина сначала принимает их за украшение.

— От Дома печатей, — сказала она.

Зал не сразу понял.

Потом шёпот стал громче.

— Старое владение Рейнов?

— Разрушено.

— Там никто не живёт.

— Печати молчат сто лет.

— Говорят, стены треснули ещё при последней хранильнице.

Ровена перестала улыбаться.

— Это невозможно.

Виоланта посмотрела на неё.

— Почему?

— Дом печатей не входит в компенсационный список Верров.

— Но находится под вашим управлением после брачного соглашения. Мой род передал его в совместное владение на время союза, потому что Дамиан обещал восстановить его архивы.

Дамиан вздрогнул.

Да, обещал.

В первый год брака, когда ещё слушал её не как помеху родовым планам. Он стоял в библиотеке, держал старую карту и говорил: «Мы поднимем твой дом, Виа. Верры умеют восстанавливать то, что другим кажется мёртвым».

Потом начались советы, тревоги Ровены, разговоры о наследнике, проверка печатей, холодные ужины, закрытые двери.

Дом печатей так и остался на карте.

— Владение разрушено, — сказал Дамиан глухо. — Там нет ни людей, ни дохода, ни защиты.

— Значит, вы ничего не потеряете.

— Это не место для женщины одной.

— Как удивительно, что ты вспомнил о моей безопасности в день, когда отказываешься от права заботиться обо мне.

Он принял удар молча.

Ровена подошла к краю возвышения.

— Дом печатей бесполезен. Проси деньги, Виоланта. Не превращай гордость в бедность.

— Я прожила три года в богатстве, где у меня постепенно отнимали голос. Бедность меня пугает меньше.

— Ты не понимаешь, что просишь.

— Понимаю. Место, которое вы считали мёртвым. Архивы, которые не смогли сжечь, потому что боялись спуститься в нижние залы. Двери, которые открываются не перед властью, а перед правом.

Ровена побледнела.

Очень слегка.

Но Виоланта увидела.

И поняла: удар пришёлся не в пустоту.

— Лорд Астор, — сказала она. — Согласно брачному соглашению, при расторжении союза без доказанной вины супруги она имеет право потребовать возвращения одного владения, внесённого в договор со стороны её рода. Дом печатей был внесён.

Старший советник посмотрел на писарей.

Те засуетились. Один раскрыл толстую книгу, второй провёл пальцем по строкам, третий наклонился к лорду Астору и прошептал что-то на ухо.

Ровена стояла неподвижно.

Дамиан смотрел на Виоланту так, будто видел её впервые.

Не жену, которую можно уговорить мягче пережить унижение. Не женщину, которую Совет собирался аккуратно убрать с дороги. А наследницу дома, который, возможно, молчал не потому, что умер.

Лорд Астор медленно произнёс:

— Требование законно.

Гул поднялся мгновенно.

Ровена резко повернулась.

— Совет не может передать ей владение без проверки печатей.

— Может, — ответил Астор, которому явно не нравилось спорить с ней публично. —

Если глава Дома Верр не возражает.

Все взгляды обратились к Дамиану.

Виоланта тоже посмотрела на него.

Вот он, последний удобный выбор. Ему достаточно сказать «возражаю». И Совет найдёт отсрочку, проверку, новый повод, новую клетку. Он уже отнял у неё имя жены. Мог отнять и дом.

Дамиан молчал.

Ровена сказала тихо, но так, что услышали все:

— Сын.

Он не посмотрел на мать.

Трещина в кристалле Верров вспыхнула ярче.

— Не возражаю, — произнёс Дамиан.

Ровена закрыла глаза.

Виоланта почувствовала, как внутри что-то оборвалось и одновременно освободилось. Это было не прощение. Нет. Не благодарность. Слишком поздно благодарить мужчину за то, что он не забрал последнее.

Но всё же он не забрал.

Лорд Астор ударил жезлом.

— Совет признаёт расторжение брачного союза между Дамианом Верром и Виолантой Рейн. Брачный знак подлежит снятию.

Дамиан шагнул вперёд.

По обычаю знак снимал муж. Осторожно касался запястья жены, произносил слова размыкания, принимал часть боли клятвы на себя. Даже в холодных браках это был последний жест уважения.

Виоланта отступила.

— Нет.

Он застыл.

— Это моя обязанность.

— Ты отказался быть мужем до того, как вошёл в этот зал. Не начинай вспоминать обязанности с последнего прикосновения.

Его лицо стало серым.

— Виа, знак может причинить боль.

— Значит, боль хотя бы будет честной.

Она подняла левую руку.

Золотое крыло на запястье сияло всё ярче. Камень круга отозвался низким гулом. Советники встревоженно заговорили, но Виоланта уже не слышала их. Всё сузилось до знака, кожи, дыхания и воспоминаний, которые знак держал крепче любой цепи.

Дамиан в саду под дождём.

Дамиан, засыпающий у камина с её рукой в своей.

Дамиан, смеющийся над старым котом, который занял его кресло.

Дамиан, молча стоящий рядом с Ровеной, пока Совет превращал её брак в ошибку.

Виоланта коснулась знака двумя пальцами.

— Я, Виоланта Рейн, возвращаю себе имя, руку и путь. Всё, что было дано мной свободно, больше не может удерживать меня против моей воли.

Знак раскрылся.

Не исчез.

Раскрылся — как крыло, которое слишком долго держали сложенным. Свет ударил в круг, поднялся вокруг неё, прошёл по полу, коснулся белых лепестков у ног Дамиана. Те потемнели по краям и осыпались пепельной пылью.

Виоланта не закричала.

Хотя боль была.

Острая, глубокая, будто из тела вытаскивали не знак, а годы. Но она удержалась на ногах. Лишь пальцы сжались, и дыхание стало прерывистым.

Дамиан сделал шаг.

— Виоланта!

— Не надо.

Он остановился снова.

Золотое крыло исчезло с её запястья.

На его месте осталась тонкая белая линия. Не рана. Не ожог. Ветвь. Едва заметная, как след старой печати, которая проснулась под чужой клятвой.

Лорд Астор побледнел.

Ровена увидела тоже.

И впервые за весь день её спокойствие треснуло.

— Что это? — спросила она.

Виоланта опустила рукав.

— Моё.

Одно слово.

Больше она не дала им.

Писари внесли решение в книги. Совет зашевелился, теряя интерес к драме теперь, когда приговор состоялся. Кто-то уже обсуждал будущий союз Дамиана и Селины. Кто-то — странную вспышку круга. Кто-то — Дом печатей, который, возможно, ещё можно было перехватить через новые законы.

Виоланта знала: они попробуют.

Не сегодня.

Сегодня они слишком уверены, что отправили её в развалины.

Она повернулась к выходу.

— Виоланта, — сказал Дамиан за её спиной.

Она не остановилась.

— Подожди.

Вот это слово ударило неожиданно.

Подожди.

Сколько раз она сама ждала? Когда он задерживался в Совете и возвращался с лицом, закрытым от разговоров. Когда обещал поговорить с матерью и не находил времени. Когда говорил, что сейчас не лучший момент, чтобы открыть архивы Рейнов. Когда уверял, что всё исправит после следующего заседания, следующего знака, следующей проверки.

Она ждала три года.

Теперь хватит.

У дверей Виоланта всё же обернулась.

Дамиан стоял в круге клятв, и впервые он выглядел не главой рода, а мужчиной, который слишком поздно понял: дверь закрывается не в комнате, а в жизни.

— Ты получил развод, Дамиан Верр, — сказала она. — Не проси у меня ещё и прощального утешения.

Он ничего не ответил.

Не смог.

Селина смотрела на Виоланту с таким выражением, будто хотела что-то сказать, но боялась каждого взгляда Ровены. Ровена уже взяла себя в руки, но перстни на её пальцах светились неровно. Она была зла. И встревожена.

Хорошо.

Пусть.

Виоланта вышла из круга.

Каменные драконы над дверями вдруг повернули головы.

Сначала один.

Потом второй.

Потом все, высеченные под сводами зала, склонились к ней, будто прислушивались не к шагам бывшей жены, а к чему-то за её спиной. К тому, что просыпалось вместе с белой линией на запястье. К имени, которое Совет только что вернул ей сам, не понимая, что выпускает из-под власти Верров.

У выхода её ждала старая управляющая Агата.

Невысокая, сухая, с седыми волосами под строгим чепцом и лицом человека, который не испугался бы и падения башни, если бы перед этим успел запереть кладовую. Агата служила ещё бабушке Виоланты, потом ушла с ней в дом Верров и все три года смотрела на Ровену так, будто считала её плохо воспитанной гостьей.

— Карета готова, госпожа, — сказала Агата.

Виоланта почти улыбнулась.

— Та, на которой я приехала?

— Та принадлежит Веррам.

— Значит, не она.

— Разумеется. У боковых ворот стоит старая дорожная. Скрипит, но не задаёт вопросов.

— Прекрасное качество.

Агата посмотрела на её запястье. Ничего не спросила. Только губы сжались чуть сильнее.

— Больно?

— Уже прошло.

— Врёте плохо.

— Зато стою ровно.

— Это важнее.

Они пошли по боковому коридору, прочь от зала, где уже решали её бывшую жизнь без неё. Виоланта не позволила себе ускорить шаг. Не позволила оглянуться. Только однажды, проходя мимо окна, увидела отражение: женщина в тёмно-синем платье, с бледным лицом, прямой спиной и пустым запястьем.

Нет.

Не пустым.

Белая ветвь под рукавом теплилась едва-едва.

— В Дом печатей? — спросила Агата.

Виоланта остановилась на мгновение.

За окном над дворцом Верров стужались облака. Башни тонули в золотисто-сером свете. На самом верху, под куполом родового зала, мерцал главный кристалл.

— Да, — сказала она. — В Дом печатей.

— Там крыша протекает.

— Починим.

— Северное крыло закрыто.

— Откроем.

— Людей нет.

Виоланта посмотрела на старую управляющую.

— Значит, будем первыми.

Агата фыркнула, но в глазах мелькнуло одобрение.

— Ваша бабушка сказала бы то же самое.

Они дошли до лестницы, когда дворец вдруг содрогнулся.

Не сильно. Не так, чтобы падали стены или кричали слуги. Просто по камню прошла глубокая волна, будто огромный зверь под фундаментом повернулся во сне. Где-то вдалеке звякнули окна. По коридору пронёсся порыв ветра, хотя все створки были закрыты.

А потом ударил колокол.

Один раз.

Второй.

Третий.

Агата замерла.

Виоланта медленно повернулась к окну.

Над главным залом Верров свет кристалла дрогнул. Янтарное сияние сжалось, вспыхнуло последней яркой искрой — и погасло.

Не померкло.

Не ослабло.

Погасло совсем.

Из глубины дворца донёсся крик.

Потом другой.

Потом тяжёлый рёв драконьих рогов, возвещающих не праздник, не нападение, не смерть главы.

А родовую беду.

Агата перекрестила пальцы на ключах.

— Госпожа...

Виоланта смотрела на тёмное окно зала, где всего несколько минут назад её объявили неблагоприятной для будущего Верров.

Света в кристалле больше не было.

Зато под её рукавом белая ветвь вспыхнула так ярко, что тонкий свет просочился сквозь ткань.

И где-то очень далеко — или совсем рядом, в памяти старого дома, который она ещё не успела увидеть, — тихо щёлкнул первый замок.

Глава 2. Дом, который считали мёртвым

Колокол бил так, будто пытался расколоть не воздух, а саму память рода Верров.

Первый удар Виоланта встретила у окна, с белым светом под рукавом и чужим дворцом за спиной. Второй прошёл по каменным стенам, заставив дрогнуть золотые рамы портретов. Третий поднял по коридору быстрые шаги, голоса, испуганный шелест платьев, звон распаиваемых дверей.

Родовая беда.

Такой колокол не звонил из-за пустяков. Его не тревожили ради ссор в Совете, брачных скандалов или даже смерти младшего лорда. Он звучал только тогда, когда древняя сила дома отказывалась слушаться своих хозяев.

Главный кристалл Верров погас.

И в том, что это случилось через несколько мгновений после её развода, было слишком много злой, безупречной справедливости.

— Госпожа, — тихо повторила Агата.

Виоланта не сразу отозвалась. Она смотрела на потемневшее окно родового зала, где ещё недавно сиял тёмно-золотой свет, которым Верры гордились больше, чем честью. Без него верхняя башня казалась мёртвой. Не разрушенной, не покинутой — именно мёртвой, будто кто-то вынул из неё сердце и забыл закрыть рану.

Из глубины дворца донёсся новый шум. Уже ближе.

— Позовите лорда Дамиана!

— Леди Ровена требует хранителей кристалла!

— Заприте северные переходы!

— Никого не выпускать без приказа!

Последняя фраза ударила Виоланту сильнее остальных.

Она медленно повернулась от окна.

— Никого не выпускать? — переспросила Агата таким тоном, каким другие женщины спрашивали бы, почему на скатерть поставили грязные сапоги. — Как интересно.

— Очень.

На дальнем конце коридора появились двое стражей. Оба в форме Верров, оба молодые, растерянные, с лицами людей, которым только что приказали остановить то, чего они сами боялись. Один заметил Виоланту, шагнул вперёд, потом замер, не зная, как обращаться к женщине, которая ещё утром была хозяйкой дворца, а сейчас стала проблемой, не прописанной в распоряжениях.

— Леди... — начал он и запнулся.

— Виоланта Рейн, — подсказала она.

Белая ветвь под рукавом тихо пульсировала.

Страж сглотнул.

— Лорд Дамиан просит вас вернуться в зал.

Агата приподняла бровь.

— Просит?

— Приказывает, — поправился второй, но вышло неуверенно.

Виоланта посмотрела на него внимательно.

— Лорд Дамиан больше не имеет права мне приказывать.

Юноша побледнел ещё сильнее.

— Но кристалл...

— Погас.

— После вашего ухода.

— Нет, — сказала Виоланта спокойно. — После его решения.

Эти слова повисли в коридоре, и оба стража будто разом вспомнили, что служат не только людям, но и дому, который только что отказался светить.

За их спинами послышались быстрые шаги. Дамиан вышел из поворота без плаща, с расстёгнутым воротом парадного камзола, каким она никогда не видела его перед чужими. Безупречность главы Верров рассыпалась. На лице оставалась власть, но сквозь неё прорезалось то, что он обычно прятал лучше всего: растерянность.

Он увидел её.

И остановился.

Между ними было всего несколько шагов, но после круга клятв это расстояние стало больше любого зала.

— Виоланта, — сказал он.

В этот раз её имя прозвучало не как формальность. Не как попытка удержать. Как человек зовёт того, кого уже потерял, но всё ещё не верит, что не имеет права сделать шаг следом.

Она не ответила.

Дамиан посмотрел на её рукав. Свет под тканью был слабым, но заметным.

— Что произошло в круге?

— Ты был там.

— Я видел знак. Не понимаю, что это значит.

— Тогда спроси у своих архивов.

Его губы дрогнули.

— Архивы закрыты.

— Для меня тоже были. Три года.

Он принял удар молча. Но Виоланта видела, как пальцы его сжались. Не от злости. От того, что теперь каждое её слово находило в нём место, куда могло попасть.

Поздно.

Не бесполезно, может быть. Но поздно.

— Кристалл погас, — сказал он. — Родовая печать не отвечает. Ровена требует...

— Ровена всегда требует.

Он коротко прикрыл глаза.

— Это не только её страх.

— А чей ещё?

— Мой.

Вот теперь она посмотрела на него по-настоящему.

В коридоре всё ещё метались слуги, вдалеке звонили малые сигнальные колокольцы, кто-то отдавал приказы, кто-то плакал, кто-то тащил ящики с родовыми свитками. Дворец Верров впервые за годы выглядел не величественным, а испуганным. И посреди этого стоял Дамиан, который наконец произнёс слово, не предназначенное для Совета.

Страх.

Раньше он заменял его долгом.

Теперь назвал.

— Ты боишься за род, — сказала Виоланта. — Это понятно.

— И за тебя.

Она едва заметно усмехнулась.

— Не смешивай.

— Я не...

— Смешиваешь, Дамиан. Сейчас тебе страшно, потому что погас кристалл, потому что Совет смотрит, потому что твоя мать требует ответа, потому что ты не понимаешь, что происходит. И в этом страхе ты вдруг вспомнил, что я рядом. Очень удобно.

Он побледнел.

Один из стражей опустил глаза. Второй притворился, что изучает узор на стене.

Дамиан сделал вдох.

— Я заслужил это.

— Да.

— Но Дом печатей опасен.

— Потому что разрушен?

— Потому что молчит.

Виоланта чуть подняла левую руку. Свет под рукавом отозвался теплее.

— Уже нет.

Он это увидел. И, кажется, понял, что именно поэтому не сможет её остановить.

— Позволь хотя бы дать сопровождение.

— Нет.

— Виоланта...

— Нет. Я не поеду из одного дома, где за мной следили, в другой под охраной того же рода.

— Это не слежка.

— Тогда назови, кто будет командовать сопровождением.

Он замолчал.

Ответ уже был между ними.

Верры.

Стражи Верров. Приказы Верров. Отчёты Веррам. Забота в форме поводка, достаточно мягкого, чтобы его можно было назвать безопасностью.

Виоланта устала от мягких поводков.

— Я поеду с Агатой, — сказала она. — Этого достаточно.

— Дороги после грозы плохие.

— Значит, карета будет скрипеть громче.

Агата удовлетворённо кивнула.

— Она умеет.

На миг в глазах Дамиана мелькнуло что-то почти похожее на воспоминание о прежней Виоланте: той, которая могла смеяться над неудобствами и спорить с ним о старых домах. Но воспоминание тут же сменилось болью. Он понял, что смеётся она уже не для него.

— Виа...

Она посмотрела холодно.

Он сам исправился:

— Виоланта. Если Дом печатей откликнулся тебе, значит, это связано с кристаллом.

— Возможно.

— Тогда мне нужно знать.

— Тебе нужно было знать раньше.

Он сжал зубы.

— Да.

Это короткое признание не принесло облегчения. Только ещё раз показало, как странно устроена боль: иногда больше всего ранит не чужая ложь, а поздняя правда.

Виоланта отвернулась.

— Я уезжаю.

— Я приеду.

Она остановилась, но не обернулась.

— В качестве кого?

Молчание.

Стражи, кажется, перестали дышать.

— В качестве главы Верров, которому нужен ответ, — сказал он наконец.

— Тогда двери могут не открыться.

— А в качестве мужчины, который ошибся?

Теперь она всё же повернулась.

Дамиан стоял прямо, но в глазах его уже не было той уверенности, с которой он производил развод. Ошибка не делала его другим человеком. Не снимала вины. Не возвращала ей три года. Но в голосе появилась трещина, и через неё впервые проступило не «я решу», а «я не знаю».

Виоланта могла ударить сильнее.

Хотела.

И не стала.

Не ради него. Ради себя. Она не собиралась выносить из этого дворца привычку Ровены превращать любую правду в оружие.

— Тогда, возможно, тебе придётся ждать у ворот, — сказала она. — Дом печатей сам решит, кого впускать.

Он кивнул.

— Я понял.

— Нет, Дамиан. Пока нет.

Она пошла к лестнице.

На этот раз он не позвал её.

У боковых ворот действительно стояла старая дорожная карета без гербов. Колёса были высокими, лак на дверце местами облупился, на крыше виднелась свежая заплатка из тёмной кожи. Кучер Марек, служивший когда-то в доме Рейнов, держал поводья и делал вид, что не слышит рёв тревожных рогов над дворцом.

— Госпожа, — сказал он, кланяясь. — Дорога к Дому печатей размыта у восточного моста. Придётся ехать через старый тракт.

— Дольше?

— Зато меньше любопытных.

— Едем.

Агата устроилась напротив Виоланты, прижав к коленям небольшой сундук. В нём помещались все вещи, которые она успела забрать: несколько платьев без гербов Верров, старые письма бабушки, связка ключей, книга расходов дома Рейнов, серебряная расчёска и тёмная шаль. Три года брака не уместились бы ни в один сундук, но настоящая жизнь, как выяснилось, часто начиналась с того, что можно увезти без разрешения.

Когда карета тронулась, дворец Верров остался позади не сразу. Сначала за окнами тянулись стены внутреннего двора, потом арка с крылатым гербом, потом аллея белых ирисов, промокших под начавшимся дождём. У главных ворот уже стояли всадники Совета. Кто-то прибыл из соседних домов, кто-то спешил внутрь, кто-то, наоборот, пытался уехать, пока беда не потребовала свидетелей.

Виоланта не отодвинула занавеску.

Она не хотела видеть, смотрит ли Дамиан ей вслед.

Если смотрит — это ничего не меняет.

Если нет — тоже.

Дождь начался за городскими стенами. Сначала редкий, осторожный, потом плотный, ровный, скрывающий мир за серой пеленой. Колёса вязли в размокшей дороге, карета покачивалась и скрипела так, будто действительно возмущалась происходящим. Агата время от времени поправляла сундук ногой, чтобы тот не ездил по полу.

— Марек сказал, к западному крылу лучше не подходить, — сообщила она после долгого молчания.

Виоланта сидела у окна, положив левую руку на колени. Белая ветвь под рукавом уже не светилась так ярко, но кожа вокруг неё оставалась тёплой.

— Почему?

— Там обвалилась часть галереи.

— Давно?

— Лет шесть назад.

— И мне никто не сказал.

Агата фыркнула.

— Вам много чего не говорили. Список занял бы дорогу до утра и испортил бы мне настроение.

— У тебя оно и так редко бывает хорошим.

— Неправда. Сегодня было вполне терпимое, пока ваш бывший муж не решил устроить развод с цветами.

Виоланта неожиданно рассмеялась.

Коротко.

Сухо.

И тут же закрыла глаза ладонью, потому что смех опасно приблизился к слезам.

Агата не стала её утешать.

За это Виоланта любила её ещё с детства. Агата никогда не бросалась гладить по плечу там, где женщине сначала нужно было удержаться самой. Она просто сидела рядом, ворчала на дороги, сундуки, сырость, мужчин и плохую организацию чужих предательств.

— Я не хочу плакать, — сказала Виоланта спустя несколько минут.

— Тогда не плачьте.

— Звучит просто.

— Многие вещи просты, если не ждать, что от них станет легче.

Виоланта посмотрела на неё.

— Бабушка говорила так же.

— Леди Элеонора была умной женщиной.

— Она знала, что Дом печатей ещё может проснуться?

Агата долго молчала. Карета как раз въехала на старый тракт, и колёса застучали по камням. Снаружи тянулись мокрые поля, серые изгороди, редкие деревья, наклонившиеся под ветром.

— Она надеялась, — сказала Агата наконец. — Но надежда у вашей бабушки была не из тех, что сидят у окна и ждут. Она держала ключи в порядке.

— Ты знала о нижних залах?

— Знала, что они есть. Не знала, что в них осталось.

— Почему мне не рассказали?

— Потому что вы уехали в дом Верров в белом платье и с таким лицом, будто мужчина способен заменить женщине родовую память.

Виоланта поморщилась.

— Жестоко.

— Зато честно.

Она не стала спорить.

Тогда, в день свадьбы, ей действительно казалось, что любовь Дамиана распахнёт перед ней не только его дом, но и её собственное будущее. Она верила, что вместе они поднимут Дом печатей, восстановят архивы, докажут Совету, что род Рейнов не умер, а просто слишком долго молчал.

Потом это «вместе» стало откладываться.

Сначала на неделю.

Потом до рождения наследника.

Потом до решения Совета.

Потом до лучших времён.

Хуже всего в предательстве было не то, что Дамиан перестал выбирать её. Хуже было то, что она сама слишком долго соглашалась ждать.

— Я была глупой? — спросила она тихо.

Агата посмотрела в окно.

— Вы были влюблённой.

— Это разные вещи?

— Иногда. Не всегда.

Ответ был достаточно беспощаден, чтобы оказаться полезным.

К Дому печатей они приехали к вечеру.

Дождь уже стих, но небо оставалось тяжёлым, низким, с полосами медного света у горизонта. Старый тракт вывел карету на холм, откуда вниз уходила длинная подъездная дорога. По обеим сторонам росли тёмные деревья с белёсой корой. Они стояли так неподвижно, будто много лет ждали звука колёс.

Виоланта подалась к окну.

Дом печатей проступал из сумерек медленно.

Сначала она увидела башни — две боковые, приземистые, не похожие на высокие гордые шпили Верров. Потом крышу с провалами и чёрными пятнами старой сырости. Потом длинный фасад из серого камня, покрытый тонкими прожилками белого минерала. Эти прожилки шли по стенам, как высохшие ветви, сплетаясь вокруг окон, дверей и круглого знака над входом.

Печать.

Не герб.

Печать Дома Рейн: раскрытая ладонь, в центре которой горит маленькая звезда, а вокруг неё — три незамкнутых кольца. Бабушка говорила, что кольца означают не власть, а выбор: имя, дом, путь.

Сейчас знак почти не был виден. Камень потемнел, часть резьбы осыпалась, над левым крылом фасада зияла трещина. Перед крыльцом росла высокая мокрая трава. Одно окно было забито досками. Другое, на втором этаже, смотрело в сад чёрной пустотой.

Марек остановил карету у каменных ступеней.

— Приехали, госпожа.

Агата выглянула наружу и поджала губы.

— Живописно. Если закрыть глаза на то, что половина живописного может упасть на голову.

Виоланта не ответила.

Она открыла дверцу сама.

Холодный воздух ударил в лицо запахом мокрого камня, старой древесины и заброшенного сада. Земля под ногами была мягкой от дождя. Где-то в зарослях скрипнула ветка. Из-под крыльца метнулась тень — скорее всего, кошка или лесной зверёк, но Марек всё равно сделал знак защиты.

— Не нравится мне это место, — пробормотал он.

— Оно и не должно нравиться с первого взгляда, — сказала Агата. — Старые дома уважают тех, кто сначала боится, а потом всё равно берёт метлу.

Виоланта поднялась по ступеням.

Каждая отзывалась под ногой глухим звуком. Не пустым. Скорее осторожным. Будто дом прислушивался.

У входа не было замка.

Только тяжёлая двустворчатая дверь, почерневшая от времени, и круглая металлическая пластина на уровне груди. На ней едва различался тот же знак ладони, звезды и трёх колец. Виоланта протянула руку, но остановилась в дюйме от поверхности.

— Госпожа, — тихо сказала Агата.

— Что?

— Если дверь не откроется, мы можем переночевать в карете.

— После всего, что было сегодня, я не стану ночевать у собственного порога.

— Вот теперь узнаю Рейнов.

Виоланта положила левую ладонь на печать.

Белая ветвь на запястье вспыхнула.

Дом ответил не звуком.

Вдохом.

Глубоким, медленным, прошедшим от фундамента к крыше. По двери пробежали тонкие светлые линии, как если бы в старом дереве вдруг проступили живые жилы. Где-то внутри щёлкнул один замок. Потом второй. Потом третий — тот самый, который Виоланта слышала ещё во дворце Верров, когда погас кристалл.

Дверь раскрылась сама.

Не резко.

Не гостеприимно.

С достоинством старой хозяйки, которая слишком долго ждала и теперь не собиралась показывать, как сильно.

Изнутри пахло холодом, пылью, сухими травами и чем-то ещё — тонким, почти забытым запахом старой бумаги.

Агата выдохнула.

— Ну вот. По крайней мере, ночевать будем под крышей.

Марек позади осторожно уточнил:

— Это если крыша согласится.

Дом отозвался коротким скрипом где-то наверху.

Марек перекрестил пальцы и сразу стал разгружать багаж с удвоенной скоростью.

Виоланта вошла первой.

Холл был огромным и тёмным. Высокий потолок терялся в сумраке. На полу лежал узор из серого и белого камня — множество кругов, которые не замыкались до конца. По стенам висели потемневшие портреты, закрытые пылью настолько, что лиц почти не было видно. Лестница уходила на второй этаж широкими ступенями, но перила с одной стороны были сломаны. Под потолком висела люстра без свечей, похожая на перевёрнутую корону.

— Красота, — сказала Агата. — Если не дышать.

Она чихнула.

Пыль вокруг будто обиделась и поднялась тонким облаком.

Виоланта сделала шаг в центр холла.

Дом молчал.

Нет, не так.

Он был тихим, но не пустым. В тишине чувствовалось напряжение, как в комнате, где кто-то проснулся, но ещё не решил, стоит ли открывать глаза.

— Я вернулась, — сказала Виоланта.

Слова показались слишком громкими.

Слишком смелыми.

Слишком детскими.

Она ведь не жила здесь. Приезжала с бабушкой несколько раз, когда была маленькой. Помнила кухню с синими плитками, солнечную пыль в библиотеке, закрытые двери нижних залов и строгий голос: «Не трогай печати без имени того, кого зовёшь». После смерти бабушки Дом печатей забрали под управление Верров, обещая сохранить, восстановить, защитить.

Защитили.

Так, что он едва стоял.

Под её ногами едва заметно вспыхнул один белый круг.

Потом второй.

Потом свет побежал по полу к лестнице, по стенам к портретам, вверх по трещинам, не скрывая их, а обозначая. Дом будто показывал ей себя честно: вот где больно, вот где пусто, вот где закрыто, вот где ждёт.

Агата замолчала.

Даже Марек на пороге перестал шуметь сундуком.

— Госпожа, — сказал он шёпотом, — оно светится.

— Вижу.

— Так и должно?

Виоланта посмотрела на белые линии, которые медленно собирались у её ног в знак ладони.

— Не знаю.

Это признание прозвучало странно успокаивающе. Она не знала. Не умела. Не была великой хранительницей, сошедшей с портрета, чтобы одним жестом поднять старый дом. Она была женщиной, которая утром потеряла мужа, имя, место в драконьем дворце — и вечером стояла в холодном холле, где даже окна смотрели настороженно.

Но дом впустил её.

Для начала этого было достаточно.

Из бокового коридора донёсся грохот.

Марек едва не уронил сундук.

Агата тут же подняла фонарь.

— Кто здесь?

Тишина.

Потом из темноты вышел человек.

Старик в выцветшей ливрее, с фонарём в руке и таким испуганным лицом, будто сам не ожидал себя здесь увидеть. За ним показалась женщина средних лет в шерстяной накидке, прижимавшая к груди связку тряпок. Следом — худой мальчишка лет пятнадцати с охапкой дров.

Все трое замерли при виде Виоланты.

Старик первым опомнился и поклонился так низко, что фонарь качнулся.

— Госпожа Рейн.

У Виоланты сжалось сердце.

Не Верр.

Рейн.

— Вы служили здесь? — спросила она.

— Служил, госпожа. Тихон. При вашей бабушке. Потом остался сторожить, когда дом передали под управление Верров.

Агата прищурилась.

— Сторожить? Тут, похоже, сторожили только пыль и сквозняки.

Старик виновато опустил голову.

— Не было средств, госпожа Агата. Приказы приходили редко. Больше запреты.

— Какие запреты? — спросила Виоланта.

Женщина в накидке ответила вместо него:

— Не открывать нижние залы. Не трогать архивы. Не чинить печатный зал без распоряжения Верров. Не принимать посетителей. Не зажигать свет в западном крыле.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Говорили, дом проклят.

Мальчишка с дровами добавил шёпотом:

— Он разговаривает по ночам.

Агата повернулась к нему.

— Многие старые дома разговаривают. Воспитанные люди отвечают только по делу.

Мальчишка покраснел.

Виоланта посмотрела на троих внимательнее. Значит, дом не был совсем пуст. В нём оставили людей — не жить, а стеречь забытое, причём так, чтобы они сами боялись своего места. Удобно. Когда страж боится двери, ему не надо объяснять, почему её нельзя открывать.

— Как вас зовут? — спросила она женщину.

— Полина, госпожа. Я смотрю за кухней. Как могу.

— А тебя?

Мальчик выпрямился.

— Ярик.

— Ты сын Полины?

— Племянник. Меня взяли, когда конюшни закрыли.

— Здесь есть конюшни?

— Были, — сказал Ярик. — То есть есть. Только крыша там хуже, чем тут.

— Замечательно, — пробормотала Агата. — У нас выбор между плохо и хуже.

Полина вдруг сказала:

— Вы правда останетесь?

Вопрос был тихим, почти недоверчивым.

Виоланта поняла: они ждали не хозяйку. Люди в заброшенных домах редко ждут возвращения. Они ждут нового приказа, проверки, продажи, сноса, очередной причины собрать вещи.

— Останусь, — сказала она.

Тихон поднял голову.

— Но после того, что случилось во дворце... леди Ровена не позволит...

— Леди Ровена сегодня уже достаточно позволила себе. Здесь Дом Рейн.

При этих словах свет на полу стал ярче.

Полина ахнула.

Тихон отступил на шаг и снова поклонился, но теперь уже не из привычки, а будто перед ним подтвердили то, во что он боялся верить.

— Дом признал, — прошептал он.

Виоланта посмотрела на печать у своих ног.

— Что это значит?

— Что вы можете открыть хозяйский круг.

— А если не смогу?

Тихон растерялся.

Такого вопроса от хозяйки, видимо, не ждали.

Агата сухо сказала:

— Тогда сначала поужинаем, а потом будете не смочь дальше.

Полина оживилась.

— Я могу поставить воду... то есть самовар... то есть ужин простой, госпожа. Крупа, хлеб, сыр, яблоки из погреба. Если мыши не добрались.

— Если добрались, — сказала Агата, — начнём правление с войны.

Виоланта впервые за вечер улыбнулась без боли.

Дом отозвался тихим звоном где-то под потолком.

Не радостным.

Осторожным.

Вечер прошёл в движении.

Тихон открыл ставни в переднем зале, и последние полосы заката легли на пыльный пол. Полина увела Агату на кухню, где тут же раздались голоса: одна объясняла, что печь «капризничает», другая отвечала, что печи не капризничают, а мстят за плохой уход. Ярик вместе с Мареком носил сундуки наверх, спотыкался на каждой третьей ступени и каждый раз утверждал, что это не он, а дом «подставляет пол».

Виоланта сняла плащ и пошла по первому этажу с фонарём в руке.

Ей нужно было увидеть всё.

Не потому, что она могла сразу исправить. Потому что дом, как человек после долгого молчания, заслуживал, чтобы его хотя бы выслушали.

Восточная гостиная оказалась пустой, с зачехлённой мебелью и окном, выходящим на заросший сад. В библиотеке часть полок была пуста, но на верхних рядах ещё стояли книги с белыми корешками. Виоланта провела пальцами по одному переплёту, и на коже осталось не только пыльное серое пятно, но и слабый след света.

Архивный зал был заперт.

Ключ Агаты не подошёл.

Печать на двери молчала, но молчание было не отказом. Скорее ожиданием правильного вопроса.

— Не сегодня, — сказала Виоланта.

Дверь едва слышно щёлкнула, будто согласилась.

Печатный зал она нашла в северной части дома.

Две высокие двери, потемневшие от времени, стояли приоткрытыми. За ними было большое круглое помещение без мебели. В центре — каменный стол, похожий на алтарь, но без религиозной строгости; скорее рабочее место для тех, кто имел дело не с властью, а с подтверждением правды. По стенам шли ряды пустых ниш. Над каждой — имя.

Не все можно было прочитать.

Некоторые стёрлись.

Некоторые будто намеренно сбили.

Виоланта подняла фонарь выше.

На дальней стене среди пыли проступали детские имена. Не родовые титулы. Не ветви. Просто имена.

Айна.

Лиор.

Тесса.

Марий.

Она шагнула ближе, но белая ветвь на запястье вдруг похолодела. Не болью. Предупреждением.

Виоланта остановилась.

— Хорошо, — прошептала она. — Не буду торопить.

Дом молчал.

Но тишина стала мягче.

Позже, за ужином, она сидела на кухне, где было теплее, чем во всём остальном доме. На столе стояли простые тарелки, хлеб, сыр, печёные яблоки и каша с луком. Никаких хрустальных бокалов, никаких ливрейных слуг, ожидающих у стены, никаких взглядов Ровены на то, как она держит ложку.

Агата ела с видом полководца, оценивающего поле битвы.

Полина всё время вскакивала, хотя Виоланта трижды просила её сесть.

Тихон рассказывал, какие комнаты можно использовать сразу, а где лучше не ходить без верёвки, фонаря и молитвы к собственному равновесию. Ярик то и дело поглядывал на Виоланту, как на живое подтверждение того, что хозяйки из портретов всё-таки могут возвращаться.

— Почему вы остались? — спросила она, когда разговор на минуту стих.

Все замолчали.

Полина первой опустила глаза.

— Некуда было идти.

— Это не ответ.

— Самый честный, госпожа.

Тихон медленно положил ложку.

— Я служил леди Элеоноре. Она сказала мне перед отъездом к вам на свадьбу: «Если дом замолчит, не считай его мёртвым. Просто не все голоса должны слышать чужие». Я обещал остаться, пока смогу.

— А потом пришли запреты Верров?

— Да.

— Кто их привозил?

Тихон замялся.

— Люди леди Ровены.

Виоланта кивнула.

Не Дамиана.

Это не оправдывало его. Он был главой рода. Если в его доме приказы раздавала мать, а он не замечал последствий, вина не исчезала. Просто становилась сложнее.

— Последний запрет пришёл месяц назад, — сказала Полина.

Виоланта подняла взгляд.

— Какой?

— Не впускать детей.

На кухне стало тихо.

Даже Агата перестала стучать ложкой о край тарелки.

— Каких детей? — спросила Виоланта.

Полина побледнела.

— Не знаю. В письме так и было: «В случае появления несовершеннолетних лиц с признаками спорной драконьей печати не принимать, не кормить, не записывать имена, отправлять к ближайшему посту Верров».

Ярик шёпотом сказал:

— Один раз приходила девочка. Зимой.

Тихон резко повернулся.

— Ярик.

— Что? Она всё равно теперь хозяйка.

Виоланта медленно поставила чашку на стол.

— Какая девочка?

Мальчишка сжал плечи.

— Маленькая. Лет восемь, может. В старом плаще. Плакала у ворот, но тихо. У неё на руке светилось... ну, как у драконов, только слабо. Тихон сказал, что нельзя впускать. Полина вынесла ей хлеб через калитку. А утром её уже не было.

Полина закрыла лицо руками.

— Мы боялись, госпожа. Если бы Верры узнали...

— Вы оставили ребёнка за воротами.

Слова вышли жёстче, чем Виоланта хотела. Полина вздрогнула. Тихон побледнел. Ярик опустил голову.

Агата не вмешалась.

Виоланта закрыла глаза на миг.

Она устала. Была зла. Ей хотелось найти виновных прямо здесь, за кухонным столом, потому что так проще, чем думать о длинной цепочке людей наверху, которые годами строили систему, где старый сторож боится открыть дверь ребёнку.

Но страх взрослых всё равно не грел того, кто стоял на морозе.

— Простите, — сказала она.

Полина подняла лицо.

— Госпожа?

— Я не должна была говорить так, будто вся вина только на вас. Но с сегодняшнего дня правило другое.

Она встала.

Дом будто прислушался.

— Если к воротам придёт ребёнок, его впустят. Сначала согреют. Накормят. Спросят имя. И только потом будут разбираться, какой дом считает его спорным.

Агата удовлетворённо кивнула.

— Запишем.

Тихон смотрел на Виоланту так, будто она произнесла не бытовое распоряжение, а древнюю клятву.

— Госпожа, Дом печатей не принимал спорных детей почти сто лет.

— Значит, начнёт снова.

— Для этого нужен открытый хозяйский круг.

— Тогда завтра откроем.

Агата вздохнула.

— Завтра у нас крыша, кладовая, спальни, печи и мыши.

— После мышей.

— Мудро.

Ярик вдруг спросил:

— А если придут Верры и скажут отдать?

Виоланта посмотрела на белую ветвь на своём запястье.

— Тогда пусть сначала попробуют войти.

Ночью она долго не могла уснуть.

Комната, которую Агата выбрала для неё, принадлежала когда-то бабушке. Это сразу стало ясно по письменному столу у окна, по старой шкатулке с потемневшими углами, по занавесям цвета сухой травы и по портрету молодой женщины с внимательными глазами. Леди Элеонора Рейн смотрела со стены так, будто вовсе не удивилась внучкиному возвращению.

Постель пахла холодной тканью и лавандой, сохранившейся где-то в шкафу сухими пучками. За стеной скрипел дом. Иногда тихо стонали трубы. Где-то наверху хлопала незакрытая ставня, и Ярик, судя по шагам, дважды пытался её умирить.

Виоланта лежала на спине и смотрела в темноту.

Днём она держалась.

Вечером распоряжалась.

Теперь тишина забрала у неё все дела и оставила с тем, от чего нельзя было отвернуться. Дамиан.

Не сегодняшний Дамиан в круге клятв, холодный и виноватый. Не глава Верров, который произнёс развод. А тот, кто когда-то стоял в саду Рейнов под старым вязом и держал в руках не брачный договор, а маленькую деревянную печать, вырезанную им самим.

«Я не знаю ваших старых обычаев, — сказал он тогда, смущённый сильнее, чем хотел показать. — Но Агата сказала, что в Доме Рейн нельзя просить руки без знака собственного труда».

Печать вышла неровной. Дракон на ней был похож скорее на сердитую ящерицу. Виоланта смеялась так, что у неё болели щёки.

Она любила его.

Вот правда, которую развод не отменял.

Любила не титул, не крылья, не силу. Мужчину, который когда-то пытался говорить с её домом через плохо вырезанный знак.

И ненавидела не его целиком.

А то, что он позволил сделать с ними.

Эта разница была мучительной. Ненавидеть полностью легче. Тогда можно вырвать из сердца всё вместе — смех, клятвы, дождь, руки, голос. Но живые люди редко бывают удобны для ненависти. Дамиан был виноват. Слаб в главном. Слеп там, где обязан был видеть. И всё же не возразил, когда она потребовала Дом печатей. И всё же остановился, когда она сказала «не подходи». И всё же спросил, можно ли приехать как мужчина, который ошибся.

Виоланта повернулась на бок и сжала ладонь.

Белая ветвь на запястье едва светила в темноте.

— Не сейчас, — прошептала она самой себе. — Не о нём.

Дом ответил тихим стуком внизу.

Она замерла.

Сначала решила, что это ставня.

Потом стук повторился.

Не сверху.

Не в стене.

У ворот.

Три удара. Пауза. Ещё один.

Виоланта села.

За дверью почти сразу слышались шаги Агаты.

— Госпожа?

— Я слышала.

— Оставайтесь здесь. Я позову Тихона.

— Нет.

Она уже вставала.

Агата открыла дверь как раз в тот момент, когда Виоланта накинула шаль.

— Вы не пойдёте к воротам ночью одна.

— Конечно нет. Ты пойдёшь со мной.

— Я знала, что вы это скажете. Поэтому уже взяла фонарь.

Внизу в холле было холодно. Полина выглянула из кухни, запахнув накидку. Тихон вышел из бокового коридора с ключами. Ярик, несмотря на поздний час, оказался на лестнице раньше всех, босой и взъерошенный.

— В дом, — сказала Агата ему.

— Я только посмотрю.

— Посмотришь на свою подушку.

— Но если там опять...

Он не договорил.

Виоланта повернулась к нему.

— Опять?

Ярик сглотнул.

— Так стучала та девочка зимой.

Новый удар в ворота прозвучал тише.

Будто тот, кто стоял снаружи, уже терял надежду.

Виоланта пошла быстрее.

Двор встретил сыростью и ночным ветром. Облака разошлись, и между ними висела тонкая луна. Старые ворота у подъездной дороги были высокими, железными, с вплетёнными в створки тремя незамкнутыми кольцами. Днём Виоланта не успела рассмотреть их внимательно. Сейчас белая ветвь на её запястье осветила металл изнутри.

За воротами стояла девочка.

Маленькая, худенькая, в сером плаще, который явно был ей велик. Тёмные волосы прилипли к щекам от сырости. Одной рукой она держала узелок, другой сжимала прутья ворот. На её запястье виднелся потускневший знак — драконье крыло, но настолько слабое, будто кто-то долго заставлял его гаснуть.

Виоланта остановилась в двух шагах от ворот.

Девочка не отступила.

Только подняла лицо.

Глаза у неё были большие, тёмные и слишком спокойные для ребёнка, пришедшего ночью к чужому дому.

— Как тебя зовут? — спросила Виоланта.

Девочка молчала.

Агата тихо сказала за спиной:

— Госпожа...

Виоланта подняла руку, останавливая.

— Ты можешь не говорить сразу. Но здесь сначала спрашивают имя.

Девочка разжала пальцы.

Из её ладони выпал сложенный лист.

Ветер едва не унёс его, но Виоланта успела поймать через прутья. Бумага была дешёвой, края размокли. На ней неровным, торопливым почерком было написано всего несколько слов:

«Если вы открыли Дом, значит, можете вернуть мне имя».

Виоланта подняла глаза.

Девочка всё так же стояла за воротами.

— Кто дал тебе это?

Та ответила не сразу. Голос оказался тихим, но ясным.

— Женщина без лица.

Тихон за спиной резко втянул воздух.

Агата прошептала:

— Старые печати...

Виоланта не обернулась.

— Ты пришла сама?

Девочка кивнула.

— За тобой кто-нибудь идёт?

Она помолчала.

— Наверное.

Белая ветвь на запястье Виоланты вспыхнула ярко, почти больно. Ворота дрогнули, но не открылись.

Тогда девочка медленно подняла правую руку и показала потускневший знак.

— Меня называли Мираной, — сказала она. — Но в книге такого имени нет.

Вдалеке, со стороны старого тракта, тьму прорезал свет факела.

Потом второй.

Потом третий.

Кто-то ехал к Дому печатей.

Быстро.

Виоланта посмотрела на Миранины пальцы, вцепившиеся в холодное железо, на размокшую записку в своей руке, на слабое драконье крыло на детском запястье.

А потом положила ладонь на ворота.

— Дом Рейн, — сказала она тихо, но так, чтобы слышали и живые, и стены, и те, кто давно ждал за печатями. — Открой.

Старые ворота распахнулись перед первой забытой дочерью.

Глава 3. Первая забытая дочь

Ворота Дома печатей открылись так тихо, что на миг Виоланте показалось: это не железо поддалось её руке, а сама ночь отступила.

Мирана не сразу вошла.

Она стояла на мокрой дороге, маленькая, тёмная, слишком худая в своём сером плаще, и смотрела на распахнутые створки так, будто ждала обмана. Будто ворота могли передумать. Будто сейчас из глубины дома раздастся строгий голос и скажет: ошибка, не тебя, уходи обратно.

Виоланта узнала этот взгляд.

У взрослых он прятался за гордостью, холодностью, умением держать подбородок прямо. У ребёнка всё было честнее: страх войти туда, откуда могут выгнать, иногда страшнее самой дороги.

— Мирана, — сказала она мягко. — Иди.

Девочка вздрогнула от собственного имени.

Не от голоса Виоланты. Именно от имени.

Как человек, которого долго звали иначе, неправильно, без тепла, по номеру комнаты, по чужой милости, по ошибке в чужой книге.

Факелы на тракте приближались.

Теперь уже слышались копыта. Не бешеная погоня, не разбойничий налёт — от этого было бы проще. Там ехали уверенно, в порядке, с правом тех, кто привык, что перед их гербом открывают двери раньше, чем они спросят разрешения.

Верры.

Или те, кто считал себя их рукой.

— Быстрее, госпожа, — шепнул Тихон за спиной. — Если это пост...

— Не пугай ребёнка, — отрезала Агата.

— Я не пугаю, я заранее ужасаюсь.

— Ужасаться будешь потом. Сейчас держи фонарь ровно.

Мирана всё ещё не двигалась.

Виоланта шагнула через порог ворот первой, на внешнюю сторону, под холодный ночной воздух. Агата тихо охнула, но не остановила. Белая ветвь на запястье отозвалась горячим светом, будто дом не одобрял, что его новая хозяйка вышла за пределы защиты. Или предупреждал, что защита — не стены, а выбор.

Виоланта присела перед девочкой, чтобы не нависать.

— Посмотри на меня.

Мирана послушно подняла глаза.

Слишком послушно.

От этого Виоланте захотелось сжать кулаки.

— Здесь тебя не будут хватать за руку, — сказала она. — Не будут тащить за печать и не будут спрашивать разрешение у тех, кто тебя вычеркнул. Но войти ты должна сама. Я не понесу тебя через ворота, как вещь, которую забирают у одного дома и относят в другой.

Девочка моргнула.

В её глазах впервые мелькнуло нечто большее, чем страх.

Недоверие.

Живое, упрямое.

Хорошо.

Слепая благодарность страшнее недоверия. Благодарный ребёнок готов быть удобным, лишь бы его не выгнали снова. А недоверчивый ещё помнит, что у него есть собственная воля.

— А если они скажут, что я должна вернуться? — спросила Мирана.

Голос у неё был тихий, немного хриплый от усталости, но слова прозвучали ясно.

— Тогда я спрошу, кто дал им право решать за тебя.

— Они покажут печать.

— Я тоже.

Девочка посмотрела на её запястье.

Белая ветвь светилась сквозь рукав.

— Ваша печать белая.

— Похоже на то.

— Белые печати не забирают?

Вопрос был странным. Слишком конкретным. Но за спиной уже громче стучали копыта, и времени не хватало.

— Не сегодня, — сказала Виоланта. — И не у меня.

Мирана сделала шаг.

Потом второй.

Когда она пересекла линию ворот, старый металл дрогнул. По трём незамкнутым кольцам прошёл белый огонь, не обжигающий и не резкий. Он скользнул по створкам, по каменным столбам, по мокрой траве под ногами девочки и остановился на её тусклом драконьем знаке.

Мирана тихо вскрикнула.

Виоланта сразу протянула руку, но девочка не отшатнулась. Знак на её запястье вспыхнул на один миг — не золотом Верров, нет. Скорее серым светом, будто сквозь толстый слой пепла пробилась искра.

И тут же снова погас.

За воротами кто-то резко натянул поводья.

Факелы остановились у самой дороги.

— Именем Дома Верр, открыть ворота!

Агата вздохнула.

— Какой нетерпеливый голос. Даже не постучал прилично.

Виоланта поднялась.

У ворот стояли трое всадников. Двое в дорожной форме Верров, третий — в чёрном плаще с золотой застёжкой родового распорядителя. Лицо у него было узкое, сухое, с длинным носом и тонкими губами, созданными, казалось, специально для приказов, которые неприятно слушать. Виоланта видела его во дворце. Кажется, его звали Эдрик Сомм. Один из тех людей Ровены, которые никогда не занимали главных мест, но всегда оказывались рядом, когда нужно было кого-то выселить, закрыть, перевести, вычеркнуть.

Он спешился, держа в руке свернутый приказ с печатью Верров.

— Леди Виоланта.

— Рейн, — сказала она.

Сомм замер, будто сама необходимость произнести её девичье имя показалась ему оскорбительной.

— Госпожа Рейн, — поправился он с заметным усилием. — Вы приняли в своё владение лицо, находящееся под опекой Дома Верр.

Мирана сжалась за спиной Виоланты.

Не спряталась полностью.

Но стала меньше.

Это Виоланте не понравилось ещё больше.

— Лицо? — спросила она.

— Несовершеннолетняя воспитанница дальнего крыла.

— У неё есть имя.

Сомм скользнул взглядом к девочке.

— Временное бытовое обращение не имеет юридической силы.

Агата тихо произнесла:

— Вот за такие фразы старые дома и начинают скрипеть по ночам.

Сомм услышал, но сделал вид, что нет. Такие люди всегда умели не слышать тех, кого считали ниже себя. Особенно если боялись, что ответить будет нечем.

— Я уполномочен вернуть воспитанницу в дом Верров до выяснения обстоятельств её самовольного ухода, — продолжил он.

— Кем уполномочены?

— Леди Ровеной Верр.

Виоланта позволила паузе повиснуть.

— Не главой рода?

Сомм поджал губы.

— Леди Ровена действует в интересах стабильности рода.

— Это не ответ.

— Лорд Дамиан занят родовой бедой.

— Очень удобное время для похищения ребёнка обратно.

Один из стражей беспокойно шевельнулся в седле. Второй опустил факел чуть ниже. Сомм побледнел от возмущения.

— Вы не вправе употреблять подобные слова.

— Зато вы вправе употреблять слово «лицо» о девочке, которая стоит в двух шагах и всё слышит?

Мирана за её спиной едва слышно вдохнула.

Сомм посмотрел на ребёнка раздражённо, будто та была не пострадавшей, а неудобной уликой.

— Эта девочка не имеет подтверждённого имени, признанной ветви и права находиться в Доме печатей.

Дом отозвался.

Не громко. Где-то за спиной, в глубине подъездной аллеи, скрипнула дверь. Потом другая. Потом по фасаду пробежал тонкий белый свет, такой же, как раньше в холле. Старые стены словно не любили, когда у их ворот произносили ложь слишком уверенно.

Сомм заметил свет.

И замолчал.

Виоланта чуть повернула голову.

— Тихон.

Старик выступил вперёд, держа фонарь обеими руками.

— Да, госпожа.

— Ты говорил, что месяц назад пришёл запрет не впускать детей со спорными печатями.

— Говорил.

— Кто привёз?

Тихон посмотрел на Сомма.

Распорядитель сжал приказ в пальцах.

— Я, госпожа.

— Прекрасно, — сказала Виоланта. — Значит, вы подтвердите, что Дом Верр заранее ждал появления таких детей у моих ворот.

Сомм понял ловушку.

— Я подтверждаю только то, что леди Ровена заботилась о предотвращении незаконных притязаний на родовую силу.

— Со стороны восьмилетних девочек?

Мирана вдруг сказала:

— Мне девять.

Все повернулись к ней.

Девочка стояла в раскрытых воротах, с узелком в одной руке и мокрыми волосами, прилипшими к щекам. Голос её дрожал, но подбородок был поднят. Виоланта почему-то почувствовала гордость так резко, будто речь шла о её собственной крови.

— Девять, — повторила она. — Прошу прощения.

Мирана кивнула очень серьёзно, как маленькая леди на приёме, хотя на ногах у неё были стоптанные башмачки, а плащ висел мешком.

Сомм раздражённо шагнул к воротам.

— Довольно. По распоряжению леди Ровены девочка должна быть возвращена до рассвета.

Дом ударил светом.

Ворота не закрылись, но перед Соммом поднялась тонкая белая линия, отсекая его от внутренней стороны. Не стена. Не решётка. Просто граница, которую он, судя по лицу, внезапно не смог переступить.

— Что это? — процедил он.

Агата посмотрела с интересом.

— Воспитание.

— Снимите это.

— Я? — Виоланта подняла брови. — А я думала, Дом печатей мёртв.

Сомм резко развернул приказ.

— Если вы не выдадите воспитанницу добровольно, Совет будет уведомлён о нарушении опекунского права.

— Уведомите.

— Вы только сегодня получили владение. У вас нет открытого хозяйского круга.

— Тогда, возможно, именно сегодня самое время его открыть.

Сомм усмехнулся.

— С ребёнком неизвестного происхождения? Вы рискуете, госпожа Рейн. Дом печатей не игрушка для оскорблённой бывшей жены.

Это было первое слово, которое действительно попало.

Бывшей.

Виоланта ощутила, как внутри поднялась боль — не новая, но ещё горячая. Ещё утром она стояла под взглядами Совета. Ещё утром Дамиан произносил холодные слова, а Ровена раскладывала её жизнь на удобные части. Ещё утром её пытались сделать женщиной, чьё главное определение — оставленная.

Сомм хотел вернуть её туда.

В это слово.

В эту роль.

Она могла ответить резко, красиво, с достоинством. Могла поставить его на место так, чтобы Агата потом одобрительно фыркнула. Но за её спиной стояла Мирана. Девочка, которую называли лицом, воспитанницей, спорной печатью, временным обращением.

Не сейчас.

Сейчас важнее было не выиграть словесную дуэль, а показать ребёнку, что чужое определение не становится правдой только потому, что произнесено уверенным взрослым.

— Вы правы только в одном, — сказала Виоланта. — Дом печатей не игрушка. Поэтому вам лучше не махать перед ним чужим приказом.

Сомм сделал ещё шаг и снова упёрся в белую линию. Та вспыхнула ярче.

Лошадь одного из стражей тревожно переступила.

— Господин распорядитель, — тихо сказал страж. — Может, дождёмся лорда Дамиана? Сомм резко повернулся к нему.

— Вам приказано сопровождать, не советовать.

— Мне приказано не вступать в конфликт с Домом печатей без прямого распоряжения главы, — неожиданно ответил страж.

Виоланта впервые посмотрела на него внимательнее. Молодой. Темноволосый. Тот самый, кажется, что однажды открывал ей дверь в дальний архив Верров и отвёл глаза, когда писарь сказал, что леди Ровена не велела выдавать книги. Тогда он промолчал. Теперь не промолчал.

Маленькие трещины в старом порядке редко выглядели героически. Но с них начинался обвал.

Сомм понял, что силой сейчас не возьмёт.

— Это не закончено, — сказал он Виоланте.

— Конечно. Правда редко заканчивается у ворот.

Он сел в седло, но перед тем как развернуть коня, посмотрел на Мирану.

— Ты пожалеешь, девочка. Дом Верр не любит неблагодарных.

Мирана побледнела.

Виоланта шагнула так, что закрыла её собой.

— Дом Верр сегодня вообще многого не любит. Насколько я слышала, даже собственный кристалл.

Сомм дёрнул поводья.

Лошади развернулись, факелы качнулись, и вскоре свет стал удаляться по дороге. Не исчез совсем. Остановился вдалеке, у поворота старого тракта. Значит, они не уехали. Ждали.

Или сторожили.

Агата хмыкнула.

— Прекрасно. У нас первая ночь, первый ребёнок, первые преследователи и ни одной исправной задвижки на кухонной двери.

— Задвижка подождёт, — сказала Виоланта.

— Она так не думает.

Мирана вдруг тихо спросила:

— Вы меня не отдадите?

Виоланта повернулась к ней.

Девочка всё ещё держалась прямо, но пальцы сжимали узелок так сильно, что костяшки побелели.

— Нет.

— Даже если он вернётся с лордом Дамианом?

Имя бывшего мужа легло между ними неожиданно тяжело.

Виоланта не стала отвечать сразу.

Дети слишком хорошо слышат ложь, особенно те, кому взрослые часто ввали ради их же «пользы».

— Если лорд Дамиан приедет, — сказала она, — он будет говорить со мной. Не распоряжаться тобой.

— Он глава Верров.

— А я хозяйка Дома печатей.

— Но вы только сегодня.

— Да. Значит, начнём с простого: в моём доме детей не выдают по приказам, написанным без их имени.

Мирана долго смотрела на неё.

Потом очень медленно кивнула.

Агата подошла ближе и, не спрашивая разрешения, накинула на девочку свою тёплую шаль.

— Пойдём внутрь. У тебя нос красный, руки ледяные, а Полина, если не ошибаюсь, уже поставила кашу так, будто собирается накормить весь Совет и наказать его добавкой.

— Я не голодная, — быстро сказала Мирана.

В ту же секунду у неё заурчало в животе.

Ярик, всё это время стоявший у крыльца босой и с открытым ртом, приснул, но тут же сделал вид, что кашляет.

Мирана покраснела.

— Это не я.

— Конечно, — сухо сказала Агата. — Это в тебе возмущилась справедливость.

Виоланта неожиданно улыбнулась.

Дом за их спинами открыл входную дверь шире.

Сам.

Полина встретила их в холле с одеялом, полотенцем и выражением лица женщины, которая одновременно испугана, виновата, решительна и уже мысленно переставила на кухне ещё одну миску.

— Госпожа?

— Это Мирана, — сказала Виоланта. — Она останется.

Полина быстро присела перед девочкой.

— Здравствуй, Мирана. Меня зовут Полина. Сейчас найдём тебе сухие чулки и что-нибудь поесть.

Мирана насторожилась.

— Я могу работать.

Полина замерла.

— Что?

— За еду. Я могу мыть пол, носить дрова, чистить подсвечники, переписывать простые строки, если не быстро. Я не буду мешать.

Тишина стала острее ножа.

Виоланта увидела, как у Полины дрогнули губы, как Тихон отвернулся, как Агата прикрыла глаза. Ярик перестал улыбаться.

Вот что сделали с ребёнком великие дома. Даже доброту она встречала списком полезных качеств, будто заранее предъявляла счёт за своё существование и просила не считать его слишком большим.

Виоланта присела перед Мираной.

Второй раз за ночь.

— Послушай меня внимательно. В этом доме дети не платят работой за право поесть.

— Но я не ребёнок.

— Тебе девять.

— В дальнем крыле говорили, что возраст не считается, если печать спорная.

— В дальнем крыле говорили неправду.

Мирана нахмурилась.

— Все?

— Многое.

— А если я не поверю сразу?

— Не верь.

Девочка растерялась.

— Вы разрешаете?

— Конечно. Доверие не выдают вместе с сухими чулками. Оно приходит позже. Иногда очень медленно.

Агата тихо сказала:

— Особенно если чулки колючие.

Полина возмущённо вскинулась:

— У меня нормальные чулки!

— Проверим на практике.

И именно эта обычная перепалка, неважная, кухонная, почти смешная, вдруг сделала с Мираной то, чего не смогли сделать ни открытые ворота, ни клятва Виоланты. Девочка не улыбнулась, нет. Но плечи её опустились на полдюйма. Она перестала стоять так, будто в любую секунду готова бежать.

Полина увела её на кухню.

Виоланта пошла следом, но Агата задержала её за рукав.

— Госпожа.

— Что?

— У вас лицо такое, будто вы сейчас либо откроете все нижние залы, либо объявите войну Веррам, либо и то и другое до рассвета.

— Я хочу узнать, кто она.

— Это разумно.

— И почему за ней прислали так быстро.

— А вот это ещё разумнее.

— Но?

Агата посмотрела в сторону кухни, откуда уже доносился тихий голос Полины и осторожные короткие ответы Мираны.

— Но сначала пусть поест. Дети лучше вспоминают, когда понимают, что их не спрашивают вместо ужина.

Виоланта выдохнула.

Усталость вернулась, тяжёлая, как мокрый плащ. Агата была права. Снова.

— Хорошо, — сказала она. — Сначала ужин.

— И сухие чулки.

— И сухие чулки.

На кухне Мирана сидела на краю скамьи, держа ложку так, будто это был предмет, который могли отнять за неправильное движение. Полина поставила перед ней миску и нарезала хлеб. Ярик устроился напротив, явно желая смотреть, но Агата одним взглядом отправила его чистить сапоги у печи.

— Я могу сама, — сказала Мирана, когда Полина подлила ей горячей воды в чашку.

— Здесь все многое могут сами, — ответила Полина. — Но иногда рядом есть другие руки. Это не преступление.

Мирана обдумала эту мысль с такой серьёзностью, будто речь шла о новом законе.

Виоланта села рядом, но не слишком близко.

— Сомм сказал, ты жила в дальнем крыле Верров.

Ложка замерла.

— Да.

— Давно?

— Сколько помню.

— Кто заботился о тебе?

Мирана нахмурилась.

— Смотрительницы. Иногда наставница. Она учила буквам и родовым спискам. Только не главным. Главные мне нельзя было.

— Почему?

— Потому что я могла запомнить лишнее.

Полина резко отвернулась к полке, хотя там ничего не нужно было брать.

Виоланта заставила себя говорить спокойно.

— Тебя называли Мираной всегда?

— Нет. Сначала «девочка из серой комнаты». Потом наставница сказала, что надо иметь имя для переключки. Она выбрала Мирана, потому что в старой книге была святая хранительница ворот.

— Тебе нравилось это имя?

Девочка впервые ответила без паузы:

— Да.

— Тогда это важно.

— Но его нет в книге.

— В какой?

Мирана поставила ложку.

— В книге Верров. Я видела.

Виоланта ощутила, как кухня вокруг стала тише.

— Откуда ты знаешь?

— Наставница забыла закрыть шкаф. Там были списки детей младших ветвей. Я искала своё имя.

Она говорила ровно, но слишком медленно. Так дети рассказывают о том, что повторяли в голове много раз, пытаясь понять, где именно с ними случилась несправедливость.

— И не нашла? — спросила Виоланта.

Мирана покачала головой.

— Там было место. Строка была. Только сверху провели чёрную черту. А рядом написали: «печать неправильная, имя не подтверждать».

Ярик уронил сапог.

Агата даже не отругала.

Виоланта посмотрела на Мирану.

— Ты запомнила, что было до чёрной черты?

— Не всё. Буквы были размазаны. Но первая — М. И родовой знак рядом был Верров.

— Старшей ветви или младшей?

Мирана сжала чашку обеими руками.

— Не знаю. Там был дракон с закрытыми крыльями. Как на дверях главного зала.

У Виоланты похолодело внутри.

Герб старшей ветви.

Сомм приехал слишком быстро.

Ровена заранее запретила впускать детей со спорными печатями.

Дамиан не знал, кто живёт в дальнем крыле.

И девочка с вычеркнутым именем носила знак, похожий не на младшие ответвления, а на сердце рода Верров.

Но выводы были опасны. Слишком рано. Слишком мало доказательств. Героиней легко стать в собственных мыслях; труднее не испортить чужую жизнь поспешной уверенностью.

— Мирана, — сказала Виоланта. — Покажешь печать?

Девочка послушно протянула руку и тут же напряглась.

Виоланта заметила.

— Я не буду трогать, если ты не хочешь.

Мирана моргнула.

— Разве можно не хотеть?

— Можно.

— А если надо?

— Сейчас не надо. Сейчас я прошу.

Девочка смотрела на неё долго. Потом сама закатала рукав.

На тонком запястье светился знак. Очень слабый. Драконье крыло, но не полное: одна линия уходила вверх, вторая обрывалась, третья будто была намеренно заглушена. По форме он действительно напоминал знаки Верров, но с добавлением странного маленького кольца у основания, почти незаметного.

Дом отозвался.

Тихий звон прошёл по кухонным стеклам.

Мирана испуганно дёрнула рукой, но Виоланта не удерживала.

— Это из-за меня?

— Думаю, из-за твоего имени.

— У меня его нет.

— Есть. Просто его украли из книги.

Мирана посмотрела на неё так, будто это было одновременно страшно и прекрасно.

— Можно украсть имя?

— Можно спрятать запись. Можно запретить другим произносить. Можно убедить ребёнка, что он никто. Но само имя... — Виоланта на миг запнулась. Ей вспомнился круг клятв, собственное запястье, слова «Виоланта Рейн». — Само имя ждёт, пока его снова назовут правильно.

Белая ветвь на её руке вспыхнула.

Кухонная дверь сама распахнулась.

За ней в тёмном коридоре горела тонкая линия света. Она тянулась по полу от кухни к северному крылу.

К Печатному залу.

Тихон перекрестил пальцы.

— Хозяйский круг зовёт.

Агата посмотрела на Виоланту.

— Вот и поужинали.

Полина встала было, но Виоланта остановила её.

— Мирана решит сама.

Девочка медленно повернулась к светлой линии.

— Там будут записывать?

— Не знаю. Возможно, Дом покажет, что нужно сделать.

— А если он скажет, что я не подхожу?

Виоланта хотела сразу возразить, но остановилась. Не нужно обещать за дом то, чего она сама не знала. Не нужно становиться второй Ровеной, только с мягким голосом.

— Тогда мы выслушаем, почему, — сказала она. — И будем разбираться.

— Вы не выгоните?

— Нет.

Мирана слезла со скамьи.

— Тогда я пойду.

Они шли по коридору почти торжественно, хотя торжественность портили Ярик, который пытался одновременно не отставать и не наступать на пятки, Агата с фонарём и Полина, прижимавшая к груди одеяло, будто оно могло понадобиться посреди родового обряда. Тихон нёс старую связку ключей, хотя уже было ясно: сегодня двери открываются не ключами.

Печатный зал встретил их холодом.

Днём он казался пустым. Ночью — ожидающим.

Круглые стены уходили вверх в темноту. Ниши с полустёртыми именами светились слабым молочным светом. Каменный стол в центре зала был покрыт пылью, но на нём уже проступали линии: три незамкнутых кольца, ладонь, звезда.

И ещё место для имени.

Виоланта почувствовала, как Мирана замерла рядом.

— Красиво, — прошептала девочка.

Ярик тоже прошептал:

— Страшно.

Агата сказала:

— Одно другому не мешает.

Виоланта подошла к каменному столу. Белая ветвь на запястье разгорелась ярче, но теперь свет не причинял боли. Он был требовательным. Дом будто подталкивал её: начни.

Тихон с благоговением произнёс:

— Положите ладонь в центр, госпожа. Хозяйская кровь должна открыть круг.

Виоланта посмотрела на него.

— А дальше?

— Назовёте имя девочки и род.

— Если я назову неверно?

Старик растерялся.

— Дом поправит.

— Как?

— Не знаю.

Очень полезно.

Виоланта положила ладонь на камень.

Зал вспыхнул.

Не весь — только линии под её рукой. Свет поднялся по каменному столу, обвил пальцы, коснулся белой ветви и потянулся к Миране.

Девочка сделала шаг назад.

— Не бойся, — сказал Тихон.

Виоланта резко повернула голову.

— Не говори так.

Старик осёкся.

Она смягчила голос, но не смысл:

— Ей можно бояться.

Мирана смотрела на свет.

— Он как будто зовёт.

— Ты можешь подойти. Или не подходить.

— Если не подойду, имя не вернётся?

— Не знаю.

Это честное «не знаю» уже не пугало так сильно. Мирана медленно подошла к столу и встала напротив Виоланты.

— Что делать?

— Для начала скажи имя, которое считаешь своим.

Девочка облизнула губы.

— Мирана.

Круг дрогнул.

— Громче, — тихо сказала Агата. — Старые стены глуховаты, когда хотят проверить характер.

Мирана вдохнула.

— Мирана.

На стене вспыхнула пустая ниша.

Виоланта почувствовала, как свет под ладонью становится тяжелее. Дом ждал продолжения.

— Мирана... — Она замедлилась. — Дочь какого рода?

Девочка опустила глаза.

— Я не знаю.

Свет потускнел.

Не погас.

Но в зале стало холоднее.

Тихон тревожно шагнул вперёд.

— Нужно назвать род, госпожа.

— Я слышу.

— Без рода круг не примет.

— А если род отказался первым?

Старик замолчал.

Вот в этом и был корень. Старый порядок требовал назвать ребёнка через дом, который его отверг. Через кровь, которая спрятала запись. Через взрослых, которые провели чёрную черту поверх имени. Даже Дом печатей, возможно, помнил такие правила слишком давно.

Виоланта посмотрела на Мирану.

Девочка стояла бледная, сжав руки. Она уже решила, что сейчас всё закончится. Что даже здесь, в светящемся зале, у неё снова не хватит нужного слова.

— Нет, — сказала Виоланта.

Зал отозвался низким гулом.

Тихон испуганно прошептал:

— Госпожа, не спорьте с кругом.

— А если круг повторяет чужую ошибку?

Агата чуть слышно хмыкнула.

— Вот теперь будет интересно.

Виоланта убрала ладонь со стола.

Свет дрогнул, словно рассердился.

Она обошла каменный стол и встала рядом с Мираной. Не напротив. Не над ней. Рядом.

— Дом Рейн, — сказала она. — Ты создавался не для сильных родов, которым удобно иметь ещё одну печать. Ты создавался для спорных имён. Для тех, кого книги не приняли. Для тех, чьё право нужно было подтвердить, когда кровь спорила с совестью. Если ты требуешь от ребёнка назвать род, который стёр её, значит, ты стал таким же, как они.

В стенах зашептало.

Не голосами. Камнем. Именами. Старой пылью в нишах.

Мирана испуганно взяла Виоланту за рукав.

— Он сердится?

— Возможно.

— На нас?

— На правду тоже иногда сердятся, когда давно её не слышали.

Свет на столе вспыхнул резче.

На дальней стене проступили старые строки. Буквы были древними, неровными, но Виоланта вдруг поняла их без труда.

«Имя подтверждается кровью рода».

Ниже появилась вторая строка.

«Печать отвечает силе».

Третья.

«Ребёнок без записи не наследует».

Вот они.

Старые правила.

Удобные, строгие, красивые. Те самые, которыми можно было не только защищать, но и выталкивать. Стоило взрослым решить, что записи нет, — ребёнок становился пустым местом. Стоило объявить печать неправильной — сила умолкала. Всё законно. Всё чисто. Всё без единого крика.

Виоланта почувствовала холодный гнев.

Не горячий, не слепой. Тот самый, который помогает держать голос ровным.

— А теперь покажи первое правило Дома Рейн, — сказала она.

Ничего.

Только гул.

— Покажи, — повторила Виоланта. — Или признай, что Ровена была права и ты мёртв.

Дом содрогнулся.

Где-то далеко хлопнула дверь. Полина вскрикнула. Ярик схватился за локоть Тихона. Старик побледнел так, будто Виоланта только что оскорбила живого предка.

Может, так и было.

Потом на стене, ниже всех строгих строк, проявились новые буквы.

Не новые.

Старые, но спрятанные.

«Имя первее записи».

Мирана подняла голову.

Виоланта не дышала.

Следующая строка вспыхнула ярче.

«Дом первее крови, если кровь отреклась».

Третья появилась медленно, как будто камень вспоминал её через силу.

«Печать служит признанию, а не страху».

Свет в зале изменился.

Холод ушёл не сразу, но его вытеснило тепло. Тонкое, осторожное. В нишах на стенах вспыхнули давно стёртые имена — Айна, Лиор, Тесса, Марий и другие, десятки других, слишком быстрые, чтобы прочитать. Все они будто на миг повернулись к Миране.

Виоланта снова положила ладонь на каменный стол.

— Мирана, — сказала она. — Назови себя.

Девочка дрожала.

— Я Мирана.

— Не для переключки. Не потому, что наставница выбрала. Не потому, что кто-то решил. Если это твоё имя — возьми его.

Мирана закрыла глаза.

Молчала долго.

Потом сказала:

— Я Мирана.

Свет поднялся к её запястью.

— Я жила в дальнем крыле, — продолжила девочка вдруг сама, быстрее, будто боялась, что смелость исчезнет. — В серой комнате. Мне говорили, что я спорная. Что знак неправильный. Что я должна быть тихой, потому что хорошие дети не заставляют взрослых помнить лишнее. Но я помню. Я помню, что у меня было имя. Даже если его зачеркнули.

Виоланта почувствовала, как глаза защипало.

Мирана открыла глаза и посмотрела на каменный стол.

— Я Мирана. И я не лишняя.

Круг вспыхнул.

Белый свет ударил вверх, но не ослепил. Он обвил Мирану, коснулся её потускневшего знака, прошёл по оборванным линиям драконьего крыла и не изменил его полностью. Не сделал ярким, сильным, правильным по чьим-то меркам. Просто снял с него серую муть.

Крыло осталось неполным.

Но живым.

На дальней стене появилась новая ниша.

Пустая.

Виоланта поняла без подсказки.

— Дом Рейн признаёт имя, — произнесла она.

Голос её звучал уже не только её голосом. В нём было что-то от стен, от бабушкиного портрета, от всех старых хранителей, которые, возможно, тоже когда-то спорили с удобными законами.

— Мирана, дочь крови, от которой отказались, и дома, который её принял. До установления полной правды — под защитой Дома печатей.

Свет дрогнул, будто ждал последнего слова.

Виоланта посмотрела на Мирану.

— Хочешь ли ты, чтобы твоё имя было внесено здесь?

Девочка прошептала:

— Да.

— Тогда скажи сама.

Мирана повернулась к стене.

— Запишите меня.

Камень вспыхнул.

И на стене, в новой нише, проступили буквы:

«Мирана Верр».

Виоланта застыла.

Агата резко выдохнула.

Тихон опустился на одно колено, как перед приговором. Полина прижала одеяло к губам. Ярик прошептал что-то совсем неразборчивое.

Верр.

Дом сам назвал род.

Не спорная воспитанница.

Не девочка из серой комнаты.

Верр.

Мирана смотрела на своё имя так, будто боялась моргнуть и потерять его.

Но камень ещё не закончил.

Ниже первой строки медленно появилась вторая.

«Не лишняя».

В этот миг снаружи раздался рёв.

Не человеческий крик. Не звук ветра. Драконий рёв, глухой, сдержанный, полный такой силы, что стёкла в Печатном зале задрожали.

Дамиан.

Виоланта поняла это раньше, чем Тихон прошептал его имя.

Он был у ворот.

И Дом печатей только что показал ему первую забытую дочь его рода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.